

Научная статья

УДК 343.1

EDN GPQOFZ

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(6).754-767

ДОСТИЖЕНИЕ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Е.Ю. Миронова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

4 октября 2022 г.

Дата принятия в печать

15 декабря 2022 г.

Дата онлайн-размещения

20 декабря 2022 г.

Ключевые слова

Назначение уголовного
судопроизводства; цифровые
технологии; цифровизация;
искусственный интеллект; нейросети;
права и свободы; нравственные
начала уголовного процесса; защита
личности

Аннотация. Цифровизация определенно стала трендом последнего десятилетия, и ее позиции с завидной прогрессивностью укрепляются в глобальном масштабе, а потенциал неумолимо нарастает. Цифровые технологии, нашедшие широкое применение в обществе, постепенно внедряются в деятельность правоохранительных и судебных органов. В связи с происходящими процессами возникает необходимость исследования вопросов влияния применения цифровых технологий на назначение, цели, задачи уголовного судопроизводства. Актуальность подобных исследований тем более бесспорна в свете проблем сравнительного правоведения ввиду того, что разные страны находятся на разных этапах цифровизации, поэтому опыт более продвинутых стран представляет интерес для стран, менее преуспевших на поприще цифровизации. В рамках настоящего исследования проанализированы вопросы влияния процессов цифровизации на назначение, цели, задачи уголовного судопроизводства России, Китая, Великобритании и США. Установлено, что в части законодательной регламентации приведенных базовых положений изменений не произошло. На данный момент правовую регламентацию целеполагания уголовного судопроизводства перечисленных государств отличает непоколебимость перед цифровыми веяниями новейшего времени. Основным же предметом исследования стал вопрос достижения назначения уголовного судопроизводства под влиянием цифровых преобразований, происходящих в обществе. Сделан вывод о том, что спектр такого влияния колеблется в диапазоне от исключительно позитивного до крайне негативного, несущего в себе неизученные (малоизученные) риски и угрозы для защиты прав личности в уголовном процессе, а следовательно, для назначения уголовного судопроизводства. При этом наиболее существенные угрозы тают в себе так называемые сквозные цифровые технологии, к коим относятся искусственный интеллект, нейротехнологии, большие данные, блокчейн и др. Обосновывается необходимость осуществления международного и национального этико-правового регулирования создания и использования перечисленных цифровых технологий. Подвергнуты анализу имеющиеся акты регулирования этических аспектов применения цифровых технологий, наделенных когнитивной функцией. Автор приходит к выводу о том, что уже принятые документы являются в большинстве своем актами мягкого права, а также о необходимости принятия соответствующих этико-правовых норм, носящих общеобязательный характер.

Original article

ACHIEVING THE PURPOSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION: ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Ekaterina Yu. Mironova

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2022 October 4

Abstract. Digitization has certainly become a trend in the last decade, it has been consistently strengthening on a worldwide scale and its potential has been growing unstoppably. Digital technologies, which have become common in different spheres, are being gradually introduced in the work of law enforcement and judiciary bod-

Accepted

2022 December 15

Available online

2022 December 20

Keywords

Purpose of criminal proceedings; digital technologies; digitalization; artificial intelligence; neural networks; rights and freedoms; moral principles of criminal process; protection of a person

ies. In connection with these processes, there is a necessity to study the impact of digital technologies on the purpose, goals, and tasks of criminal proceedings. The need for such research is all the more evident in light of the problems of comparative law studies as different countries are currently at different stages of digitization, so the experience of more advanced countries is relevant for those with fewer achievements in digitization. In this article, the author analyzes the impact of digitization on the purpose, goals, and tasks of criminal proceedings in Russia, China, the UK and the USA. It was established that there have been no changes in the legislative regulation of their basic clauses. Currently, the legal regulation of the goal-setting of criminal proceedings remains stable in the face of recent digital trends. The main object of the research is to study how the purpose of criminal proceedings could be reached in view of the influence of digital transformations that the society is going through. It is concluded that such influence fluctuates from totally positive to extremely negative, associated with unstudied (insufficiently studied) risks and threats to the rights of a person in the criminal process and, consequently, to the purpose of criminal proceedings. The greatest threats are associated with the so-called end-to-end digital technologies, which include artificial intelligence, neural technologies, big data, blockchain, and others. The necessity of international and national ethical and legal regulation of the development and use of the abovementioned digital technologies is proven. The author analyzes the existing acts of regulating the ethical aspects of using digital technologies with cognitive functions. It is concluded that the documents that have already been adopted are mostly acts of soft law, and that it is necessary to adopt corresponding ethical and legal norms of a universally binding nature.

Можно ли было предположить, что когда-нибудь математические вычисления смогут оказать существенное влияние на основы права или что развитие алгоритмов может стать причиной пересмотра назначения, целей, задач уголовного судопроизводства? Сложившееся на сегодня положение вещей в обществе свидетельствует о том, что безудержное совершенствование цифровых технологий инерциально провоцирует на перемены все сферы жизнедеятельности.

Примечательно, что происходящие ныне технологические изменения и их последствия радикальны настолько, что уже практически общепризнанно именуются четвертой промышленной революцией [1, с. 15]. Но насколько изменения должны быть масштабны и глубинны, чтобы способствовать пересмотру базовых начал уголовного судопроизводства? Безусловно, что такие преобразования должны быть качественными и фундаментальными, не оставляющими шансов принципиальным положениям законодательства, а также устоявшимся порядкам далекой от высоких технологий уголовно-процессуальной деятельности.

Следует признать, что назначение уголовного судопроизводства всегда было предметом оживленных дискуссий в научной среде. Так, по верному замечанию И.Г. Смирновой, «в научной литературе вопрос о назначении уголовного судопроизводства с завидным постоянством является предметом исследования, обсуждения, анализа и критики: процессуалисты рассматривают назначение через этимоло-

гическое, аксиологическое значение данного понятия, через соотношение с такими категориями, как цели, задачи уголовного судопроизводства» [2, с. 105–132]. Предпосылки для таких обсуждений во многом продиктованы историческими переменами, политическими преобразованиями, изменениями государственного строя и многими другими факторами. Однако в новых условиях природу причин множества споров среди ученых относительно назначения уголовного судопроизводства составляют именно цифровые метаморфозы, происходящие одновременно в разных социально значимых сферах, включая право.

Вместе с тем на данный момент не стоит дихотомический вопрос, быть или не быть изменениям назначения уголовного судопроизводства на почве цифровизации, происходящей в обществе. Очевидно, что бескомпромиссно ставить этот вопрос преждевременно. Тем не менее благодатная почва для научных обсуждений назначения уголовного судопроизводства в условиях цифровизации существует уже сейчас, поскольку такие обсуждения релевантны совершающимся социальным процессам.

Идя в ногу со временем, определенно следует подвергнуть изучению вопрос о том, как может измениться содержание назначения уголовного судопроизводства не только в новых, но и одновременно с тем в постоянно меняющихся условиях цифровизации общества. Однако еще более важным представляется решение другого вопроса, имеющего исключительно

практическое значение: каким образом процессы цифровизации общества могут повлиять на достижение назначения уголовного судопроизводства? Постараемся дать ответ на этот вопрос, анализируя отечественное и зарубежное уголовно-процессуальное законодательство, а также опыт внедрения в обиход отдельных элементов цифровизации, оказывающих влияние на уголовный процесс, в разных странах и попытки их нормативного регулирования.

Прежде чем перейти к исследовательской части настоящей работы, определим некоторые аспекты, которые необходимо учитывать при ознакомлении с ней.

Итак, процессы цифровизации, происходящие в обществе, отнюдь не тождественны процессам, имеющим аналогичное наименование, но происходящим в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем отдельные элементы так называемой диджитализации, нашедшие одобрение и принятие в обществе, занявшие прочное в нем положение, постепенно проникают и в сферу уголовного судопроизводства. Но не все плоды цифровой эпохи вызывают социальное одобрение и положительный отклик: к передовым высокотехнологичным продуктам и сервисам, отличающимся малоизученностью последствий их применения и определенной долей автономии, далеко не все представители общества благосклонны, ведь за очевидными и весомыми преимуществами, например, такими, как непредвзятость искусственных интеллектуальных систем, имеющая особое значение для судебной системы и уголовного судопроизводства, способность оперативно обрабатывать большие объемы данных, самообучение, способность к прогнозированию, скрывается и целый ряд рисков и недостатков, таких как неспособность к эмпатии, отсутствие духовно-нравственных ориентиров, высокая степень автономии и неподконтрольность человеку, проблемы обеспечения защиты персональных данных и т.д.

Как следствие, одни характеристики авангардных цифровых технологий сулят привнести в уголовно-процессуальную сферу упорядоченность, благоприятствовать соблюдению процессуальной формы, устранить коррупционные проявления, создать оплот независимости и беспристрастности и таким образом способствовать укреплению уголовно-процессуальных гарантий и достижению назначения уголовного судопроизводства, другие же создают почву для нарушения прав лиц и организаций, дискриминации,

нарушения режима конфиденциальности данных, включая тайну следствия, попрания правил оценки доказательств, ставя под угрозу достижение назначения судопроизводства.

В ст. 6 УПК РФ определяется назначение уголовного судопроизводства, имеющее двуединую природу и состоящее в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод. В содержание назначения судопроизводства входит и то, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Совершенно точно процессы, происходящие в обществе и государстве, оказывают влияние на уголовное судопроизводство, в том числе на его базовые положения. Этот факт находит множественные исторические подтверждения. Так, выдающийся процессуалист И.Я. Фойницкий в «Курсе уголовного судопроизводства» (1912) отмечал, что «уголовное судопроизводство состоит в тесной зависимости от государственного строя данной страны», а задачей уголовно-процессуальной деятельности называл «осуществление карательной власти в каждом отдельном случае» [3, с. 12–13].

Объяснимо сходную позицию мы находим у знаменитого ученого-юриста Н.Н. Полянского, обозначающего в качестве цели уголовного процесса определение «для конкретного случая существования... права государства на наказание и эвентуально... тех пределов, в которых оно подлежит осуществлению» [4, с. 21].

Согласно ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., задачи уголовного судопроизводства состояли в быстром и полном раскрытии преступлений, изобличении виновных и обеспечении правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. При этом уголовное судопроизводство должно было способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции

РСФСР и советских законов, уважения правил социалистического общежития [5, с. 94].

Возвращаясь к назначению уголовного судопроизводства, сформулированному в действующем УПК РФ, следует отметить его соответствие в целом избранной современной Россией модели уголовного процесса. С этой точки зрения представляется верным указание Е.В. Марковичевой на то, что определенная в ст. 6 УПК РФ целевая установка российского законодателя ориентирует правоприменителя на разрешение уголовно-правового конфликта допустимыми законом средствами, и в первую очередь в интересах потерпевшего [6, с. 281].

Действительно, признание наличия уголовно-правового конфликта (спора) свидетельствует о состязательных началах уголовного процесса, а следовательно, закрепление в качестве назначения уголовного судопроизводства защиты прав и законных интересов личности вполне оправданно и коррелирует с приоритетами современного законодательства.

Вместе с тем в юридической литературе отмечается, что, в сущности, с принятием УПК РФ 2001 г. изменился лишь угол зрения законодателя на вопрос о предназначении уголовного процесса: взгляд законодателя был переведен с юридико-технических задач на социальное предназначение уголовного судопроизводства [7, с. 54].

В связи с этим возникают мысли следующего толка: если уголовное судопроизводство (даже с учетом его строгой консервативности и неохотного восприятия перемен) реагирует на современные вызовы общества, государственные и политические преобразования, останется ли оно безучастным к процессам повсеместного внедрения цифровых технологий? Принимая во внимание избранную государством стратегию, нацеленную на динамичное развитие информационного общества и цифровую трансформацию¹, можно сделать вывод, что ответ на этот вопрос, очевидно, будет отрицательным.

Аналогичные прогнозы относительно судьбы уголовного судопроизводства в условиях провозглашаемой и асимметрично наступаю-

щей цифровизации следовало бы высказать исходя из положения диалектики о взаимосвязях и взаимообусловленности явлений в природе и обществе, ибо «в мире нет ничего, что существовало бы изолированно, все существует в отношении к другому, в связи с другим» [8].

Но при всей кажущейся однозначности влияния технологических изменений на правовую сферу и здесь есть место для научной дискуссии. Так, невозможно сбросить со счетов авторитетное и обоснованное мнение Л.В. Головки, который утверждает, что происходящие процессы — это не что иное, как количественное продвижение достижений предыдущей научно-технической революции, носящей качественный характер. Таким образом, мы имеем дело не с глобальной революцией, а с локальной оптимизацией, вызванной внедрением в уголовно-процессуальную сферу особо зарекомендовавших себя и прочно укоренившихся в обществе цифровых технологий [9, с. 15–17].

Думается, что с этим мнением следует согласиться. Действительно, начало XXI в. ознаменовалось массовым распространением технологий, уходящих корнями разработки в прошлое столетие. Они отличаются большим многообразием, высокой скоростью распространения, доступностью и широтой потребления среди самых разных социальных групп, усиленными темпами совершенствования и возрастающими рисками, возникающими в связи с их разработкой и внедрением. Но если рассылка уведомлений о дате и времени судебного заседания посредством СМС-сообщений, мессенджеров и электронной почты приветствуется обществом ввиду всеобщей распространенности таких средств коммуникации, их удобства, прозрачности и минимального количества угроз², то отдельные «разумные» и во многом автономные элементы диджитализации таким перечнем характеристик похвастать явно не могут.

Речь идет прежде всего о «сквозных» цифровых технологиях, таких как программные и программно-аппаратные комплексы, наделен-

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927 ; О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 9 сент. 2017 г. № 203 // Там же. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928.

² О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47059 ; Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений : приказ Судеб. департамента при Верхов. Суде РФ от 25 дек. 2013 г. № 257 // Там же. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158206.

ные когнитивными функциями, сходными с человеческими и даже, по задумке разработчиков, в будущем превосходящими их. К примеру, наблюдаемые устремления разработчиков искусственного интеллекта (ИИ) проникнуть в сознание человека, невзирая на этические аспекты, и тенденции безоглядного внедрения прогрессивных продуктов IT-индустрии в правовую сферу в России и некоторых зарубежных странах определенно настораживают. Так, в рамках продвижения стратегии глобального информационного развития, транслируемой организаторами и участниками Всемирного экономического форума, А. Джезард приводит данные исследований, проводившихся в 2017 г. экспертами в области ИИ из Китая, Японии и США и свидетельствующих о том, что «компьютеры могут воспроизводить то, о чем думают люди, используя функциональные машины магнитно-резонансной томографии (или фМРТ): с помощью измерения активности мозга, изучения функционирования нейросетей возможно воспроизводство функций человеческого мозга» [10]. Конечно, сегодня сложно удивить кого-либо попытками воссоздать искусственные нейросети, ведь фундаментальные исследования на этот счет появились еще в середине XX в. Можно назвать, например, работу У. Мак-Каллока и У. Питтса «Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности» (1943) [11] и труд Ф. Розенблатта «Принципы нейродинамики: перцептроны и теория механизмов мозга» (1962) [12]. Но все же факт активного продвижения подобных технологий в деятельность правительственных структур³, правоохранительных органов [13, с. 213] и судебную систему⁴ вызывает беспокойство и приводит к возрастанию недоверия людей к внедряемым программным, программно-аппаратным комплексам с когнитивной функцией и существенной долей автономии. И такое отношение к неизведанным и незнакомым вещам и явлениям вполне оправданно и закономерно.

На примере внедрения ИИ в судебную систему Д.Э. Гаспарян, Е.М. Стырин, будучи иссле-

³ Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления : распоряжение Правительства РФ от 22 окт. 2021 г. № 2998-р // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402867092>.

⁴ О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» : постановление Правительства РФ от 27 дек. 2012 г. № 1406 // Там же. URL: <https://base.garant.ru/70292624>.

дователями прикладных проблем внедрения этики искусственных интеллектуальных систем в России, демонстрируют неготовность общества принять ИИ-судью, несмотря на его безусловную беспристрастность и все иные неоспоримые преимущества. Основными факторами имеющих сомнений и неодобрительного отношения социума к искусственно-интеллектуальному вершителю судеб являются вероятные судебные ошибки, дискриминационный аспект, попрание свободы воли человека при прогнозировании совершенного им правонарушения, проблемы субординации между судьей-человеком и ИИ-судьей, неэтичность принятия во внимание биографических данных субъекта правонарушения и иные трудности, основную часть которых составляют вопросы этического характера [14, с. 24–25].

К слову, заслуженно уделяя особое внимание этическим аспектам внедрения ИИ, группа российских ученых — экспертов в области правового регулирования цифровых технологий систематизирует этические проблемы использования ИИ следующим образом:

– проблемы, связанные со сбором, анализом и обработкой цифровых данных;

– проблемы, связанные с принятием ИИ решений на основе обобщенных данных [15, р. 568].

Действительно, это те вопросы, которые вызывают наибольшее количество трудностей, и именно они являются базовыми при применении искусственных интеллектуальных систем в работе правоохранительных и судебных органов в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Возможно ли при указанных обстоятельствах вести речь о достижении назначения уголовного судопроизводства в том виде, в каком оно сформулировано в действующем УПК РФ, — с упором на защиту прав человека? Едва ли. Определенно, в этом случае не только недостижимо назначение уголовного судопроизводства до разрешения комплекса этических, правовых и технических проблем, но и высока вероятность нарушения прав лиц, оказавшихся в сфере действия уголовно-процессуального закона, в процессе применения некоторых цифровых технологий (ИИ, большие данные, робототехника, нейросети, облачные сервисы, блокчейн и др.).

Однако при всей кажущейся фатальности преодоление этих трудностей видится возможным при условии слаженной большой и непрерывной работы над совершенствованием социального (правового и этического) и техни-

ческого регулирования. Справедливо было бы указать, что такая работа ведется (и уже давно) на разных уровнях и разными организациями, сообществами и отдельными людьми, заинтересованными в гуманном и безболезненном налаживании взаимодействия человека и машины (в широком смысле или, скорее, в том смысле, в каком это предлагалось А. Тьюрингом в его знаменитом труде «Может ли машина мыслить?»), т.е. «мыслящей машины» или «цифровой вычислительной машины» [16].

Так, на международном уровне ведется непрерывная деятельность по разработке этико-правового регулирования применения отдельных цифровых технологий, несущих серьезные риски для человека, соблюдения его прав и свобод. В ноябре 2019 г. при ЮНЕСКО была образована экспертная группа по созданию этических основ разработки и применения ИИ. По результатам деятельности этой группы был создан первый глобальный этический стандарт в области ИИ — Рекомендации об этических аспектах ИИ⁵.

Кроме того, у группы ООН по устойчивому развитию в стадии разработки находится методический документ о роли приватности, этики и защиты данных — Data Privacy, Ethics and Protection Guidance Note on Big Data For Achievement of the 2030 Agenda⁶.

Разработка национального регулирования в области цифровизации на попроще установления этико-правовых норм идет (в сравнении с первым десятилетием XXI в.) семимильными шагами. В январе 2017 г. в Асиломаре (Калифорния, США) по итогам конференции The Asilomar Conference on Beneficial AI, организованной научно-исследовательским институтом Future of Life Institute (Бостон), были разработаны Асиломарские принципы ИИ (Asilomar AI Principles)⁷, служащие этическим фундаментом сохранения гуманистических ценностей при создании и использовании ИИ.

Впоследствии под этими принципами подписалось еще несколько тысяч ученых, разра-

ботчиков, предпринимателей и экспертов, в том числе Стивен Хокинг, Илон Маск, представители компаний Google, Apple, Facebook, IBM, Microsoft и т.д. [17, с. 69].

3–4 декабря 2018 г. в Страсбурге Советом Европы была принята Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, которая зафиксировала принципы разработки и применения ИИ, основанные на приоритете соблюдения прав и свобод человека, установила запрет на дискриминационные проявления при подготовке ИИ судебных решений, а также определила основные характеристики функционирования ИИ в судебных системах государств — членов Совета Европы⁸.

Также к числу документов так называемого мягкого права (soft law) в области воздействия развития цифровых технологий на правовую сферу следует отнести Рекомендации Совета Европы о влиянии алгоритмических систем на права человека, созданные в 2020 г.⁹

Отечественные публичные органы власти, научное сообщество и общественность, следуя зову потребности создания нормативной базы для разработки и внедрения искусственно-интеллектуальных систем, также всерьез озабочены вопросом установления этических норм в рассматриваемой области: в ноябре 2021 г. на базе Альянса в сфере ИИ Министерством экономического развития РФ совместно с Аналитическим центром при Правительстве РФ и в сотрудничестве с экспертами Высшей школы экономики, представителями академического и бизнес-сообщества был принят национальный Кодекс этики в сфере ИИ¹⁰, являющийся компонентом реализации и частью федерального проекта «Искусственный интеллект», а также Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной указом Президента РФ от 9 сентября 2017 г. № 203.

⁸ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях : принята на 31-м пленар. заседании ЕКЭП (Страсбург, 3–4 дек. 2018 г.). URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4>.

⁹ Recommendation CM/Rec (2020)1 of the Committee of Ministers to member States on the human rights impacts of algorithmic systems, 8 April 2020. URL: https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?objectid=09000016809e1154.

¹⁰ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://www.aiethic.ru/code>.

⁵ First draft of the recommendation on the ethics of Artificial Intelligence: outcome document SHS/BIO/AHEG-AI/2020/4 REV.2. Paris, 7 September 2020. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373434>.

⁶ Data Privacy, Ethics and Protection Guidance Note on Big Data for Achievement of the 2030 Agenda. URL: https://unsdg.un.org/sites/default/files/UNDG_BigData_final_web.pdf.

⁷ Asilomar AI Principles, 2017. URL: <https://futureoflife.org/ai-principles/?cn-reloaded=1>.

Анализ принципов, изложенных в Национальном кодексе этики в сфере ИИ, таких как человеко-ориентированный и гуманистический подход, уважение автономии и свободы воли человека, недискриминация и ряд других принципов, позволяет прийти к выводу, что в РФ установлен этико-правовой ориентир на приоритет защиты интересов и прав людей и отдельного человека при развитии и применении систем ИИ. Такой подход вселяет надежду на проецирование этого ориентира и на сферу уголовного судопроизводства. Коль скоро взят курс на защиту интересов личности в процессе налаживания контакта со «сквозными» цифровыми технологиями, это создает ощущение гарантии правовой защищенности человека и в процессе достижения назначения уголовного судопроизводства. Тем более что уголовное судопроизводство имеет своим назначением как раз защиту прав личности.

Однако формальное провозглашение идеи безусловной защиты прав человека не является залогом фактического следования этому принципу и наличия условий для его реализации.

Справедливости ради заметим, что отнюдь не все исследователи предвосхищают в происходящих процессах развития информационного общества угрозы для назначения уголовного судопроизводства. Прогнозируя возможности достижения назначения уголовного судопроизводства в условиях его цифровизации, А.М. Долгов отмечает, что внедрение цифровых технологий в уголовный процесс является «одним из

векторов деятельности по развитию гарантий прав лиц и организаций, потерпевших от преступлений» [18, с. 58].

Безусловно, положительный эффект неоспорим, ведь обеспечение допустимого уровня прозрачности уголовно-процессуальной деятельности, совершенствование системы доказательств и доказывания под влиянием цифровых преобразований обуславливает защищенность прав человека.

При анализе целевых индикаторов и показателей реализации федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» (табл.) обнаруживается поступательное движение на пути к цифровизации в сфере осуществления правосудия и повышение уровня его прозрачности и доступности.

Возвращаясь к вопросу необходимости разработки этико-правового базиса для внедрения отдельных элементов цифровизации в общественные процессы, следует констатировать, что важные вехи в его построении уже преодолены на уровне национального и международного регулирования. Попытка урегулирования этических аспектов применения цифровых технологий нормами мягкого права способна послужить декларативной основой и для достижения назначения (целей) уголовного судопроизводства. Но, несмотря на уже имеющиеся наработки в части урегулирования этических аспектов применения цифровых технологий, есть стойкая необходимость создания норм, носящих общеобязательный характер.

Целевые индикаторы и показатели реализации федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»

Target indicators and indices of the implementation of the Federal Program «The Development of Court System in Russia in 2013–2024»

Целевые индикаторы и показатели / Court indicators and indices	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество залов судебных заседаний федеральных судов общей юрисдикции, оснащенных системой видеопроотолирования хода судебных заседаний, тыс. / Number of court hearings of federal courts of general jurisdiction equipped with a system of videorecording court hearings, thousands	0,64	1,25	...	1,87	2,52	–	–	–
Количество залов судебных заседаний федеральных судов общей юрисдикции, оснащенных системой аудиопроотолирования хода судебных заседаний, тыс. / Number of court rooms of federal courts of general jurisdiction equipped with a system of audiorecording of court hearings, thousands	4,05	60,50	7,37	–	–	–	–	–

Окончание таблицы / The End of the Table

Целевые индикаторы и показатели / Court indicators and indices	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Доля федеральных судов общей юрисдикции, оснащенных комплектами видео-конференц-связи, в общем числе судов общей юрисдикции, % / Share of the federal courts of general jurisdiction equipped with videoconference units in the total number of courts of general jurisdiction, %	20	45	65	80	95	–	–	–
Количество залов судебных заседаний и кабинетов судей федеральных судов, оснащенных комплектами видео-конференц-связи, тыс. / Number of rooms for court hearings and offices of judges of federal courts equipped with videoconference sets, thousands	–	–	–	–	–	–	6,81	7,04
Информатизация Верховного Суда Российской Федерации (ежегодно) / Informatization of the Supreme Court of the Russian Federation (annually): количество посетителей официального сайта Верховного Суда Российской Федерации, млн чел. / web traffic of the official site of the Supreme Court of the Russian Federation, mln. persons	–	–	–	–	–	3,00	4,00	9,37
количество процессуальных обращений в Верховный Суд Российской Федерации, поданных в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, тыс. / number of procedural appeals to the Supreme Court of the Russian Federation submitted in an electronic format, including as an electronic document, thousands	–	–	–	–	–	8,0	19,0	38,3
количество судебных актов Верховного Суда Российской Федерации, выполненных в электронном виде, тыс. / number of court acts of the Supreme Court of the Russian Federation performed in an electronic format, thousands	–	–	–	–	–	0,5	3,0	6,0

Очевидно, что российские и европейские вдохновители, разработчики алгоритмических систем, законодатели, правоприменители, общественность всерьез озадачены этической стороной внедрения и распространения ИИ в судебной системе и правовой сфере. При этом представляется, что их китайских коллег вопросы этического толка волнуют постольку, поскольку отсутствие этического регулирования означало бы невозможность полномасштабного применения искусственно-интеллектуальных систем (в сентябре 2021 г. Министерством науки и технологий Китая принят Кодекс этики искусственного интеллекта нового поколения).

Один из мировых передовиков в области создания, внедрения и применения цифровых технологий, включая искусственные интел-

лектуальные системы, — Китай определенно настроен если не на достижение мирового господства в области цифровизации, то по крайней мере на укрепление своих позиций на поприще разработки и популяризации IT во всех областях жизнедеятельности, от быта и бизнеса до государственного управления, национальной безопасности и социального мониторинга. Подобные технологические рвения в Китае уже дают весомые плоды. Так, кроме вызывающей противоречивые толки и широкий общественный резонанс нашумевшей системы социального рейтинга в КНР, в судебной системе Поднебесной летом 2022 г. произошел дальнейший серьезный сдвиг в сторону полного ее оцифровывания. По данным издания South China Morning Post, принятие судьями Китая судеб-

ных решений должно сопровождаться обязательной «консультацией» с ИИ. Игнорирование рекомендаций ИИ-судьи возможно, однако это влечет для судьи-человека обязанность дать письменное мотивированное объяснение своей позиции. При этом функционирование искусственного олицетворения справедливого, беспристрастного и неподкупного правосудия основано на пресловутых нейросетях [19].

Об активном применении в судебной системе Китая разного рода цифровых технологий свидетельствуют и другие факты. Так, 18 мая 2021 г. Судебной комиссией Верховного народного суда КНР был принят Регламент онлайн судебных разбирательств, а 30 декабря 2021 г. — Правила онлайн-деятельности народных судов КНР¹¹. Кроме того, с помощью Китайской сети раскрытия исполнительной информации в режиме реального времени можно отследить

¹¹ The Supreme People's Court of the People's Republic of China. Laws and Rules. URL: <https://english.court.gov.cn/lawsrules.html>.

множественные судебные акты¹², принимаемые судами Китая, предусмотрена прямая трансляция судебных заседаний¹³, а также создана Китайская судебная сеть обслуживания больших данных¹⁴. В целом посещение сайта Верховного народного суда КНР создает ощущение состоявшейся цифровизации или цифровой трансформации китайской судебной системы¹⁵.

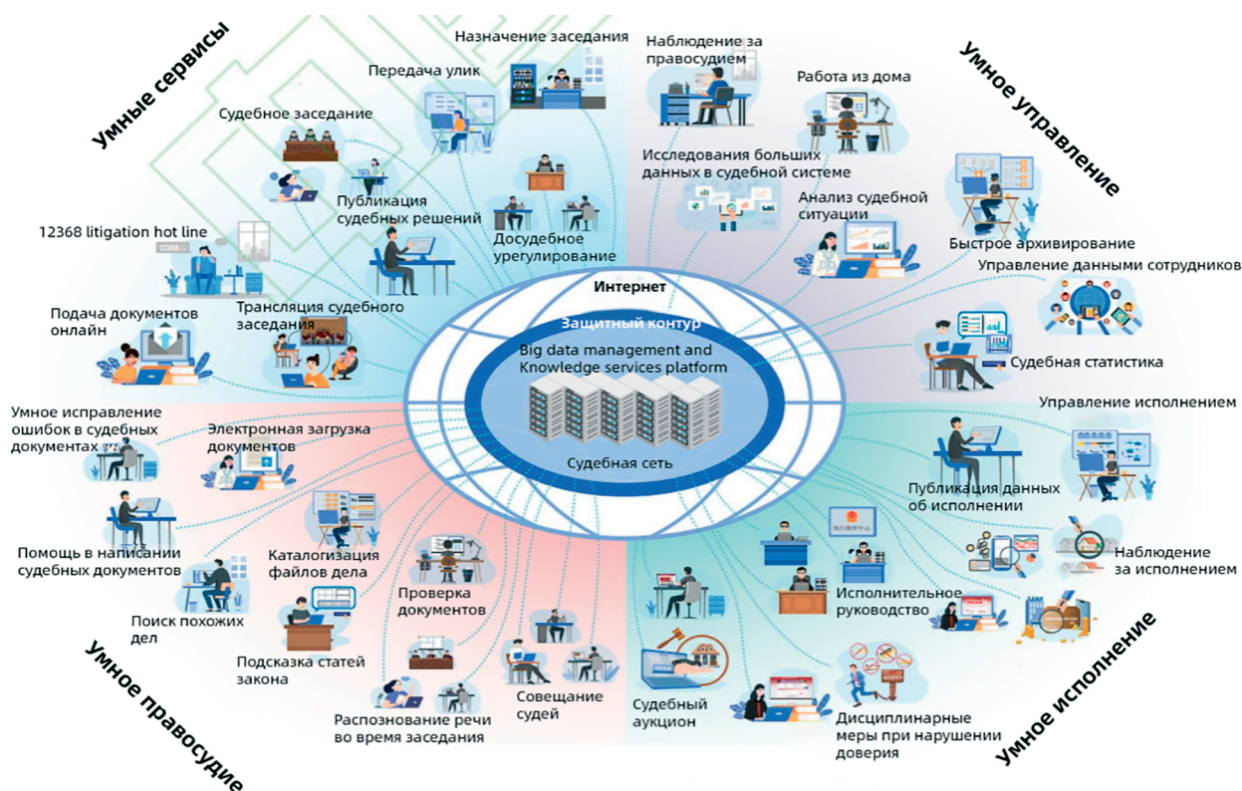
Это следует и из опубликованной китайскими официальными СМИ принципиальной схемы новой модели работы судов в КНР, интегрированных с ИИ (рис.). К слову, в планах КНР переход национальных судов на четвертое поколение интеллектуальных судов к 2025 г. [20].

¹² Китайская сеть раскрытия исполнительной информации. URL: <http://zxgk.court.gov.cn>.

¹³ China Court Trail Online. URL: <http://tingshen.court.gov.cn>.

¹⁴ China Justice Big data service platform. URL: <http://data.court.gov.cn/pages>.

¹⁵ Сайт Верховного народного суда Китайской Народной Республики. URL: <https://www.court.gov.cn>.

Принципиальная схема новой модели работы суда в КНР, поддерживаемая проектом интеллектуальной судебной системы

The basic scheme of a new model for the functioning of courts in the PRC supported by a project of an intellectual court system

Источник: Китайские суды обязали консультироваться с искусственным интеллектом // Livejournal. 2022. Июль. URL: <https://sokolov9686.livejournal.com/4041859.html?replyto=18889859>

Таким образом, Китай существенным образом продвинулся в вопросе цифровизации системы государственного управления и правосудия. Но сказались ли эти серьезные технологические перемены на базовых положениях уголовного судопроизводства КНР? С учетом характера китайской государственности, исторических и идеологических особенностей развития уголовно-процессуального законодательства КНР очевидной становится стабильность его положений. Чрезвычайно подвижный и изменчивый УПК РФ выглядит как антипод устойчивого уголовно-процессуального законодательства Китая, принятого в далеком 1979 году и подвергшегося изменениям лишь трижды (последние изменения УПК КНР произошли в 2018 г. и стали третьими за почти 40 лет)¹⁶. Неслучайно исследователи отмечают присущий китайской политической системе и законодательству традиционализм [21; 22, с. 12]. Вместе с тем справедливым было бы указать, что принципиальная основа китайского уголовного судопроизводства практически идентична перечню принципов уголовного судопроизводства России [23, с. 146]. Если принять во внимание специфику китайского УПК, то не вызовет удивления неизменность базовых начал УПК КНР, обозначенных в ст. 1, 2 и провозглашающих цели и задачи, которые ностальгически переносят нас в эпоху СССР и напоминают приведенные выше задачи УПК РСФСР 1960 г.: гарантирование точного исполнения уголовного закона, наказания преступников, защиты населения, обеспечения государственной и общественной безопасности, охраны социалистического общественного порядка. Задачами УПК КНР являются обеспечение точного и своевременного раскрытия преступлений, правильное применение закона, наказание преступников, гарантирование, что ни один невиновный не будет подвергнут уголовному преследованию, воспитание граждан в духе сознательного соблюдения закона, ведение активной борьбы с преступностью в целях охраны социалистической законности, защиты личных, имущественных, демократических и иных прав граждан, обеспечения успешного осуществления социалистического строительства.

Таким образом, форсированная прогрессивность Китая в сфере ИТ, чрезвычайно высокие

темпы разработки и внедрения прикладных новейших цифровых технологий в государственно и социально значимые сферы «уживаются» с непоколебимостью принципиальных основ уголовно-процессуального законодательства Китая. Цели и задачи уголовного судопроизводства Китая, а следовательно, и его назначение остаются неизменными, несмотря на активный процесс цифровизации уголовного судопроизводства и сферы правосудия. Более того, активизация процессов цифровизации правосудия в Китае нацелена как раз на оптимизацию деятельности судебных органов, повышение ее прозрачности, сведение к минимуму случаев злоупотребления полномочиями со стороны судей, работников аппаратов судов, сотрудников правоохранительных органов, а значит, и на достижение целей уголовного судопроизводства.

При обращении к целеполаганию уголовного судопроизводства Великобритании обнаруживается единство социально-гуманитарных (вежливое и уважительное отношение ко всем участникам, справедливое отношение к обвинению и защите) и юридико-технических (оправдание невиновных и осуждение виновных, эффективное и оперативное рассмотрение дела) целей¹⁷. Однако технический прогресс неумолим, и продукты его проникают в сферу уголовного судопроизводства Великобритании весьма уверенно. Отличительной чертой цифровизации британского уголовного процесса является возможность уже на досудебных стадиях беспрепятственно фиксировать доказательственную информацию, используя любые доступные современные электронные устройства и цифровые технологии [24, с. 3], что не противоречит провозглашенным целям уголовного судопроизводства Соединенного Королевства. Напротив, возможности цифровизации для системы доказательств и доказывания приводят к укреплению гарантий защиты прав человека в уголовном процессе, что, безусловно, способствует достижению целей уголовного судопроизводства.

Рассматривая вопрос о назначении уголовного судопроизводства США, следует учитывать особенности сложившейся государственно-политической системы, а также принадлежность к семье общего права. Кроме того, важной отличительной характеристикой уголовно-процессу-

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики : принят на 2-й сес. Всекит. собр. нар. представителей 5-го созыва 1 июля 1979 г. : (ред. от 26 окт. 2018 г.). URL: https://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure.

¹⁷ Guidance Criminal Procedure Rules and Practice Directions 2020 // Gov.UK. URL: <https://www.gov.uk/guidance/rules-and-practice-directions-2020#criminal-court-procedure>.

ального законодательства Соединенных Штатов является по сути отсутствие единого кодифицированного процессуального акта федерального значения. При этом основополагающие положения уголовного судопроизводства устанавливаются в Конституции США, а также существуют Федеральные правила уголовного процесса в окружных судах США, действующие с 1975 г. и содержащие некоторые положения, определяющие цели уголовного судопроизводства и возможности установления истины, например возможности развития доказательственного права с целью установления истины и справедливого производства [25, с. 13].

Вместе с тем акцент на значение доказательственного права и установление истины оправдан состязательной сущностью уголовного судопроизводства страны. Вероятно, именно это является причиной активного продвижения новейших технологических разработок в судебный процесс по уголовным делам США именно в части применения электронных доказательств, их фиксации новейшими техническими средствами, а также развития электронного документооборота при производстве по уголовным делам [24, с. 3; 26, с. 81].

Проведенное сравнительное исследование позволяет сделать ряд выводов. Назначение уголовного судопроизводства с течением времени не теряет своих позиций в рейтинге тем, вызывающих живой интерес исследователей. Примечательно, однако, что новейшая история изучения этого насущного вопроса зачастую связана с не менее актуальной темой цифровых преобразований, происходящих в обществе. Прагматичный аспект уводит исследователей к проблемам достижения назначения уголовного судопроизводства в условиях нарастающей цифровизации. Настоящее же исследование посвящено указанным вопросам в контексте сравнительного правоведения, поскольку динамично развивающееся информационное общество и меняющееся под воздействием внедрения цифровых технологий право настоятельно велят отслеживать опыт более преуспевающих стран на поприще цифровизации и адаптации к происходящим процессам правового регулирования.

Назначение уголовного судопроизводства России, будучи устойчивым законодательным базисом, по сей день остается неизменным в условиях объявленной государством стратегии развития информационного общества и цифровой трансформации. И следует признать, что

это вполне естественно, ведь на данный момент преждевременно вести речь об изменении базовых положений УПК РФ, поскольку влияние цифровизации на отечественный уголовный процесс невелико (на фоне грандиозных масштабов глобальной цифровой перестройки), а правовая регламентация внедрения отдельных элементов развивающегося информационного общества в уголовное судопроизводство России фрагментарна и, откровенно говоря, пока скудна.

Вместе с тем происходящие процессы уже сейчас оказывают влияние на достижение назначения уголовного судопроизводства. Причем спектр этого воздействия настолько обширен, что простирается от исключительно положительного до сугубо отрицательного. Примечательно, что такое влияние напрямую зависит от стадии цифровизации (наступление каждой последующей стадии характеризуется повышением рисков внедрения цифровых технологий, снижением уровня контроля над ними) и от особенностей высокотехнологичного объекта, продукта или сервиса (с усовершенствованием технологий возрастает их влияние на базовые положения уголовного судопроизводства и их реализацию). Например, ИИ и нейросети, без преувеличения, способны совершить переворот в уголовном судопроизводстве в части достижения назначения уголовного судопроизводства, ведь уже сейчас ясна весьма небезоблачная перспектива их внедрения в сферу правосудия по уголовным делам, насыщенная проблемами и антагонизмами, продиктованными ценностью их безусловных преимуществ и вредоносностью откровенных недостатков.

Анализ сложившейся ситуации в аспекте регулирования внедрения элементов цифровизации указывает на необходимость обеспечения защиты назначения, целей, задач уголовного судопроизводства разных стран путем установления этических норм, касающихся внедрения отдельных особо прогрессивных «сквозных» цифровых технологий в социально значимые сферы, включая уголовное судопроизводство, правоохранительную деятельность и правосудие.

Таким образом, тенденции в области международного регулирования свидетельствуют о поступательном и активном развитии этических правовых норм диджитализации общественных процессов, равно как и курс, взятый отдельными странами в области установления национального регулирования этических и правовых основ внедрения «сквозных» цифровых технологий.

Исследование вопроса о целях уголовного судопроизводства в таких государствах, как Китай, Великобритания, США, указывает на то, что применение новейших технологий на данный момент не препятствует достижению этих целей и не оказывает влияния на их законодательную регламентацию. Вместе с тем создаются условия, при которых, с одной стороны, посредством цифровизации достижение назначения

и целей уголовного судопроизводства станет более эффективным, с другой — отдельные умные продукты века цифровых технологий могут создать препятствия в достижении назначения и целей уголовного судопроизводства. Таким образом, риски в этой сфере неизбежны, однако при строгом соблюдении приоритета защиты прав человека такие риски могут быть существенным образом снижены.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. — Москва : Эксмо, 2019. — 209 с.
2. Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И.Г. Смирнова. — Томск, 2012. — 517 с.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Обществ. польза, 1912. — Т. 1. — 567 с.
4. Полянский Н.Н. Цель уголовного процесса / Н.Н. Полянский. — Ярославль : Тип. Яросл. кредит. союза кооперативов, 1919. — 36 с.
5. Попова И.П. Назначение уголовного судопроизводства и категория «интерес» / И.П. Попова. — DOI 10.18287/2542-047X-2019-5-2-93-101. — EDN MZNNBJ // Юридический вестник Самарского университета. — 2019. — № 2. — С. 93–101.
6. Марковичева Е.В. О примирении сторон в современном российском уголовном судопроизводстве / Е.В. Марковичева. — EDN WNDSPN // Библиотека криминалиста. — 2016. — № 5 (28). — С. 281–286.
7. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. — Москва : Статут, 2017. — 1280 с.
8. Молодцов В.С. Марксистская диалектика о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений в природе и обществе / В.С. Молодцов // Исторические материалы. — URL: <https://istmat.org/node/36826>.
9. Головки Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? / Л.В. Головки. — DOI 10.24411/2414-3995-2019-10002. — EDN KORQGW // Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 1. — С. 15–25.
10. Jezard A. This mind-reading AI can see what you're thinking — and draw a picture of it / A. Jezard // World Economic Forum. — 2018. — Febr. 5. — URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/02/mind-reading-ai-creates-images-from-your-thoughts>.
11. McCulloch W.S. A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity / W.S. McCulloch, W. Pitts // Bulletin of Mathematical Biophysics. — 1943. — № 5. — P. 115–133.
12. Rosenblatt F. Principles of Neurodynamics: Perceptrons and the Theory of Brain Mechanisms / F. Rosenblatt. — Spartan Books, 1962. — 616 p.
13. Степаненко Д.А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности / Д.А. Степаненко, Д.В. Бахтеев, Ю.А. Евстратова. — DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(2).206-214. — EDN FDCVTB // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 2. — С. 206–214.
14. Гаспарян Д.Э. Прикладные проблемы внедрения этики искусственного интеллекта в России: отраслевой анализ и судебная система / Д.Э. Гаспарян, Е.М. Стырин. — Москва : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. — 112 с. — DOI 10.17323/978-5-7598-2351-3. — EDN JLFZST.
15. Khisamova Z.I. Artificial Intelligence and Problems of Ensuring Cyber Security / Z.I. Khisamova, I.R. Begishev, E.L. Sidorenko // International Journal of Cyber Criminology. — 2019. — Vol. 13, № 2. — P. 564–577.
16. Тьюринг А. Может ли машина мыслить? / А. Тьюринг ; ред. С.А. Яновская. — Москва, 1960. — 67 с.
17. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учеб. пособие / И.А. Филипова. — Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2022. — 275 с.
18. Долгов А.М. Достижение назначения уголовного судопроизводства в условиях цифровизации уголовного процесса / А.М. Долгов. — EDN ZZNYMH // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 1. — С. 56–59.
19. Chen S. China's court AI reaches every corner of justice system, advising judges and streamlining punishment / S. Chen // South China Morning Post. — 2022. — 13 July. — URL: https://www.scmp.com/news/china/science/article/3185140/chinas-court-ai-reaches-every-corner-justice-system-advising?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article&campaign=3185140.
20. Lau M. China's courts use data analytics and blockchain evidence storage on the way to first AI-integrated legal system / M. Lau // South China Morning Post. — 2021. — 10 March. — URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3124815/chinas-courts-use-data-analytics-and-blockchain-evidence?module=inline&pgtype=article>.
21. Гу Ёнзонг. Краткое описание механизма судебного контроля в Китае / Гу Ёнзонг // Zakon.kz. — URL: <https://www.zakon.kz/211901-sistemy-kontrolja-pravosudija-v-kitae.html>.
22. Козлихин И.Ю. Китайская правовая традиция / И.Ю. Козлихин. — DOI 10.21638/11701/spbu14.2016.301. — EDN XCDAWJ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2016. — № 3. — С. 4–13.
23. Никифорова Х.П. Особенности обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве Китая / Х.П. Никифорова. — EDN PATARD // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2012. — № 3 (139). — С. 145–147.

24. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран / под ред. С.В. Зуева. — Москва : Юрлитинформ, 2020. — 216 с. — EDN CYEIFO.
25. Махов В.Н. Юристы США о целях уголовного процесса США / В.Н. Махов, М.А. Пешков // Право и политика. — 2001. — № 5. — С. 13–16.
26. Пастухов П.С. Электронный документооборот в уголовном процессе США / П.С. Пастухов. — EDN YPVFLF // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. — № 4 (19). — С. 81–87.

REFERENCES

- Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. New York, Crown Business, 2016. 198 p. (Russ. ed.: Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow, Eksmo Publ., 2019. 209 p.).
- Smirnova I.G. *Social Value of Russian Criminal Procedure*. Doct. Diss. Tomsk, 2012. 517 p.
- Foinitskii I.Ya. *A Course in Criminal Court Procedure*. Saint Petersburg, Obshchestvennaya Pol'za Publ., 1912. Vol. 1. 567 p.
- Polyanskii N.N. *The Goal of Criminal Process*. Yaroslavl Credit Union of Cooperatives Publ., 1919. 36 p.
- Popova I.P. Purpose of Criminal Proceedings and the Category «Interest». *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2019, no. 2, pp. 93–101. (In Russian). EDN: MZNNBJ. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-2-93-101.
- Markovicheva E.V. On Conciliation of Parties in the Current Russian Criminal Proceedings. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2016, no. 5, pp. 281–286. (In Russian). EDN: WNDSPN.
- Golovko L.V. (ed.). *A Course in Criminal Process*. Moscow, Statut Publ., 2017. 1280 p.
- Molodtsov V.S. Marxist dialectics on the mutual connection and mutual conditioning of phenomena in the nature and the society. *Istoricheskie materialy = Historical Materials*. Available at: <https://istmat.org/node/36826>. (In Russian).
- Golovko L.V. The Digitalization in Criminal Procedure: Local Optimization or Global Revolution? *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2019, no. 1, pp. 15–25. (In Russian). EDN: KORQGW. DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10002.
- Jezard A. This Mind-reading AI Can See What You're Thinking — and Draw a Picture of it. *World Economic Forum*, 2018, February 5. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2018/02/mind-reading-ai-creates-images-from-your-thoughts>.
- McCulloch W.S., Pitts W. A Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity. *Bulletin of Mathematical Biophysics*, 1943, no. 5, pp. 115–133.
- Rosenblatt F. *Principles of Neurodynamics: Perceptrons and the Theory of Brain Mechanisms*. Spartan Books, 1962. 616 p.
- Stepanenko D.A., Bakhteev D.V., Evstratova Yu.A. The use of artificial intelligence systems in law enforcement. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 206–214. (In Russian). EDN: FDCVTB. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).206-214.
- Gasparyan D.E., Styryn E.M. *Applied Problems of Introducing the Ethics of Artificial Intelligence in Russia: Sectoral Analysis and the Court System*. Moscow, HSE Publishing House Publ., 2020. 112 p.
- Khislamova Z.I., Begishev I.R., Sidorenko E.L. Artificial Intelligence and Problems of Ensuring Cyber Security. *International Journal of Cyber Criminology*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 564–577.
- Turing A. Can the Machine Think? In Newman J.R. *The World of Mathematics*. New York, 1956. Vol. 4, pp. 2099–2123. (Russ. ed.: Turing A. *Can the Machine Think?* Moscow, 1960. 67 p.).
- Filipova I.A. *Legal Regulation of Artificial Intelligence*. Nizhny Novgorod State University Publ., 2022. 275 p.
- Dolgov A.M. Reaching the Objectives of Criminal Proceedings in the Conditions of Digitizing the Criminal Process. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*, 2019, no. 1, pp. 56–59. (In Russian). EDN: ZZNYMH.
- Chen S. China's Court AI Reaches every Corner of Justice System, Advising Judges and Streamlining Punishment. *South China Morning Post*, 2022, July 13. Available at: https://www.scmp.com/news/china/science/article/3185140/chinas-court-ai-reaches-every-corner-justice-system-advising?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article&campaign=3185140.
- Lau M. China's Courts Use Data Analytics and Blockchain Evidence Storage on the Way to First AI-Integrated Legal System. *South China Morning Post*, 2021, March 10. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3124815/chinas-courts-use-data-analytics-and-blockchain-evidence?module=inline&pgtype=article>.
- Gu Engzong. A Brief Description of the Court Control Mechanism in China. *Zakon.kz*. Available at: <https://www.zakon.kz/211901-sistemy-kontrolja-pravosudija-v-kitae.html>. (In Russian).
- Kozlikhin I.Yu. The Chinese Legal Tradition. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*, 2016, no. 3, pp. 4–13. (In Russian). EDN: XCDAWJ. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.301.
- Nikiforova Kh.P. Specific Features of Ensuring the Rights of a Person in Chinese Criminal Court Proceedings. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*, 2012, no. 3, pp. 145–147. (In Russian). EDN: PATARD.
- Zuev S.V. (ed.). *Information Technologies in the Criminal Process of Foreign Countries*. Moscow, YurLitinform Publ., 2020. 216 p. EDN: CYEIFO.
- Makhov V.N., Peshkov M.A. Lawyers of the USA on the US Goals of Criminal Process. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2001, no. 5, pp. 13–16. (In Russian).
- Pastukhov P.S. Electronic Case Files in Criminal Process of the USA. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = The Rule of Law: History, Theory, Practice*, 2018, no. 4, pp. 81–87. (In Russian). EDN: YPVFLF.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миронова Екатерина Юрьевна — аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: zpu2013@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Миронова Е.Ю. Достижение назначения уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества: анализ российского и зарубежного опыта / Е.Ю. Миронова. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(6).754-767. — EDN GPQOFZ // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 6. — С. 754–767.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mironova, Ekaterina Yu. — Postgraduate Student, Chair of Criminal Process and Prosecutor's Supervision, Institute of Justice, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: zpu2013@yandex.ru.

FOR CITATION

Mironova E.Yu. Achieving the Purpose of Criminal Proceedings in the Conditions of Digitalization: Analysis of Russian and Foreign Experience. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 6, pp. 754–767. (In Russian). EDN: GPQOFZ. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(6).754-767.